

Особую опасность современный терроризм приобрел и в силу того, что, выйдя за национальные рамки, он превратился в угрозу жизни не столько отдельного человека, сколько создал опасность международному миру, порядку и стабильности.

Учитывая детальное изучение всех составляющих, которые должны быть отражены и осмыслены, представляется, что на данном этапе разработки дефиниции требуется некоторое сужение понятия, ибо это может принести конкретную практическую пользу. По нашему мнению, терроризм – это запланированная форма применения насилия либо его угрозы, которая провоцирует страх среди населения и ставит цель – принудить правительства, общественность или отдельных лиц к удовлетворению выдвинутых требований.

Разумеется, данное определение не является всеобъемлющим. Тем не менее гораздо важнее, на наш взгляд, выделить терроризм из ряда других явлений социально-политической жизни государства и международного сообщества в целом. Обозначить его виды и формы проявления, что позволит, в свою очередь, разработать эффективные методы борьбы с ним. В целом анализ тенденций последнего времени дает основания предположить, что современный терроризм претерпел значительные изменения и в дальнейшем его следует рассматривать как составную часть глобальной криминальной триады: терроризм, наркобизнес, организованная преступность.

Библиографические ссылки

1. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.
2. Грехнев В.С. Феномен политического терроризма // Философия и общество. 1997. Март – апрель.
3. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. М. : Ин-т междунар. права и экономики, 1996.
4. Терроризм – новый вызов международной безопасности // Борьба с преступностью за рубежом. 1997. Вып. 12.
5. Терроризм: психологические корни и правовые оценки (Круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4.
6. Энтин М.Л., Атливанников Ю.Л. Международная борьба с терроризмом: правовые аспекты. М. : Акад. наук СССР, 1988.

Дата поступления в редакцию: 19.01.2011

УДК 343.13

*Р.В. Маджаров, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С РАССМОТРЕНИЕМ ВОПРОСА О ВЫДАЧЕ ОБВИНЯЕМОГО ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ

С принятием в 1999 г. ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь нормы, регулирующие приостановление предварительного расследования, претерпели ряд изменений. Так, перечень оснований принятия данного решения дополнили четыре новых обстоятельства, два из которых закрепил п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК. В частности, названное правовое предписание позволяет объявить перерыв в производстве по делу в тех случаях, когда иностранным государством рассматривается вопрос о выдаче обвиняемого. Именно об этом основании приостановления расследования и пойдет речь в настоящей статье. В ней с учетом опыта советского и зарубежного законодателей и правоприменительной практики анализируется содержание п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК. Приводится и отстаивается мнение о нецелесообразности приостановления расследования на период разрешения вопроса об экстрадиции обвиняемого в Республику Беларусь.

With the adoption of the current Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus in 1999, the rules regulating the suspension of the preliminary investigation have undergone several changes. For example, four new circumstances have been added to the list of reasons for making a decision, two of which are provided by the Sec. 3, P. 1, Art. 246 of the Code of Criminal Procedure. In particular, this legal provision allows the interruption of the criminal proceeding in case a foreign country considers the question of the extradition of the accused. This precise provision of the suspension of the investigation is discussed in the article. The author analyzes the content of the Sec. 3, P. 1, Art. 246 of the Code of Criminal Procedure, taking into consideration the experience of the Soviet and foreign legislators and law enforcement practice. The point of view that it is not expedient to suspend the investigation for the period of the solution of the question of the extradition of the accused into the Republic of Belarus is proposed and proved.

Пункт 3 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность приостановления предварительного расследования (ППР) в тех случаях, когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в производстве по уголовному делу в связи с рассмотрением вопроса о выдаче иностранным государством, а также в

связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного расследования. Данная норма подобно п. 2 и 4 ч. 1 ст. 246 УПК предусматривает два самостоятельных основания для объявления перерыва в производстве по уголовному делу. Первое из них сопряжено с процедурой экстрадиции обвиняемого, второе – с невозможностью его прибытия к месту проведения расследования.

Вопросы, связанные с приостановлением производства в связи невозможностью участия обвиняемого в производстве процессуальных действий, в той или иной степени рассматривали в своих работах И.В. Данько [3, с. 52–61; 4, с. 8–9], А.М. Попов [8], В.В. Рябчиков [9], К.А. Сергеев [10], Е.К. Черкасова [11] и другие ученые. Однако основное их внимание сосредоточивалось на выяснении причин, по которым лицо не может своевременно прибыть к месту проведения расследования, т. е. на втором из предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК оснований, тогда как проблемы ППР в связи с экстрадицией лица фактически не затрагивались. Вместе с тем способ закрепления данного обстоятельства в законе и вообще целесообразность его наличия требует детального обсуждения.

Закрепление белорусским законодателем в одной норме двух разных по своему содержанию оснований ППР может быть объяснено только наличием объединяющего их признака – невозможности для обвиняемого по своей воле прибыть к следователю. В этом контексте время, необходимое для разрешения иностранным государством вопроса о выдаче обвиняемого, является лишь одной из ряда объективных причин, препятствующих проведению с обвиняемым процессуальных действий по месту проведения расследования. Видимо поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных постсоветских республик первое из оснований вообще отдельно не оговаривается. Так, п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ гласит, что расследование приостанавливается, когда местонахождение обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Позиция российского законодателя вполне логична. Однако она не позволяет учесть различную природу рассматриваемых оснований. Процедура разрешения вопроса о выдаче обвиняемого иностранным государством является, в первую очередь, юридическим препятствием для проведения с лицом процессуальных действий. И действительно, если в выдаче обвиняемого *частично* отказано, то даже по прибытии последнего в Беларусь ему не может быть предъявлено обвинение. Нарушение данного положения и (или) осуждение лица за преступление, в выдаче за совершение которого отказано, влечет соответственно прекращение уголовного преследования в части предъявленного обвинения или отмену обвинительного приговора.

В результате рассмотрения в порядке надзора уголовного дела в отношении Г., осужденного судом Слонимского района по ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 14 и ч. 2 ст. 205 УК Республики Беларусь, президиум Гродненского областного суда отменил приговор в части осуждения указанного лица по ч. 1 ст. 14 и ч. 2 ст. 205 УК. Основанием данного решения явилось то обстоятельство, что «Г. был выдан Республике Беларусь Генеральной прокуратурой Российской Федерации для привлечения к уголовной ответственности за изнасилование и кражу, совершенные при отягчающих обстоятельствах. За покушение на совершение кражи при отягчающих обстоятельствах Г. не выдавался». [7, с. 55].

Второе же из закрепленных в п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК оснований указывает на наличие физических препятствий, которые не позволяют лицу прибыть к месту проведения расследования. Соответственно различная природа обстоятельств, которые могут препятствовать явке обвиняемого, требует совершения и различных по характеру действий по их преодолению. В этой связи редакция п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ по сравнению с редакцией п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь является менее удачной, на что обращают внимание и российские ученые [8, с. 37].

Позиция белорусского законодателя о выделении из числа объективных препятствий к явке обвиняемого времени разрешения вопроса о его выдаче иностранным государством разделяется и законодателями большинства постсоветских республик, УПК которых предусматривают возможность приостановления производства по делу в подобных случаях. Первое из оснований ППР, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК, отдельно оговаривается в УПК Азербайджана (п. 5 ч. 1 ст. 53), Казахстана (п. 3 ч. 1 ст. 50), Кыргызстана (п. 4 ч. 1 ст. 221)¹, Молдовы (п. 3

¹ В УПК Кыргызстана не закреплено второе из оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь.

ч. 1 ст. 287/1), а также в Модельном УПК (п. 5 ч. 1 ст. 50). При этом в указанных законодательных актах данное основание закрепляется в одном пункте с таким препятствующим производству по делу обстоятельством, как рассмотрение вопроса о лишении лица неприкосновенности. Учитывая, что это обстоятельство также имеет юридическую природу, такое объединение оснований представляется более логичным, нежели сделанное белорусским законодателем в п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК.

Сравнительный анализ содержания первого из оснований ППР, закрепленных в п. 1 ч. 3 ст. 246 УПК, и содержания вышеуказанных норм зарубежных УПК показывает, что тождественным образом рассматриваемое обстоятельство изложено законодателями Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, а также в Модельном УПК. И только в нормах УПК Молдовы возможность ППР связывается не с решением вопроса о выдаче обвиняемого лица, а с *отказом* в его выдаче иностранным государством (п. 3 ч. 1 ст. 287/1 УПК Молдовы¹). Представляется, что с данной позицией молдавского законодателя согласиться нельзя.

Отказ компетентного учреждения юстиции в выдаче обвиняемого, с одной стороны, не влечет автоматического прекращения производства по уголовному делу запрашивающей стороной, а только наделяет обвиняемого иммунитетом от уголовного преследования на территории запрашиваемой стороны. С другой стороны, данное решение не препятствует самостоятельной явке обвиняемого в орган уголовного преследования и суд и при его явке производство по делу будет осуществляться в обычном порядке, поскольку международные договоры предусматривают, что без согласия запрашиваемой стороны нельзя привлекать к уголовной ответственности только *выданное* лицо [5, ст. 66; 6, ст. 80]. На данное обстоятельство обращает внимание и Верховный суд Республики Беларусь [7, с. 56].

Исходя из этого в случае отказа иностранным государством в выдаче обвиняемого орган расследования обязан принять меры к вызову данного лица. Отказ же последнего явиться в данном случае будет являться попыткой укрыться от правосудия, избежать уголовного преследования. Не являясь по вызову следователя, органа дознания и находясь вне их досягаемости, обвиняемый фактически совершает действия по значению глаголов «скрываться» и «прятаться» [2, с. 1041, 1203, 1253]. В этой ситуации производство по делу должно приостанавливаться по п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК (п. 1 ч. 1 ст. 287/1 УПК Молдовы). Этой же позиции придерживаются сотрудники органов расследования [1].

Изложенное подтверждает, что анализ фактов приостановления расследования в связи с экстрадицией лица необходимо рассматривать именно в контексте содержания п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК. Изучение уголовных дел, производство по которым приостанавливалось по рассматриваемому основанию, показывает, что данное решение принималось только по уголовным делам, ранее приостанавливавшимся по п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК и по которым обвиняемые были объявлены в международный розыск. Решение о ППР на основании п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК во всех случаях принималось до рассмотрения запрашиваемой стороной просьбы о выдаче обвиняемого. При этом ни по одному из изученных уголовных дел лицо, совершившее преступление, в данном качестве допрошено не было. Более того, только в каждом четвертом случае данные лица были допрошены в качестве подозреваемых. Вообще же на момент приостановления производства их позиция в отношении преступления была в той или иной форме зафиксирована в процессуальных документах только в 55,5 % уголовных дел.

После задержания разыскиваемого лица на территории иностранного государства ни по одному уголовному делу компетентному учреждению юстиции данной страны не было направлено поручение (просьба) о вручении обвиняемому процессуальных документов, в которых бы разъяснялись его права и излагалась сущность инкриминируемого деяния. Ни по одному уголовному делу лицу не была предоставлена возможность довести до сведения органа уголовного преследования запрашивающей стороны свою позицию по поводу данного деяния. При этом решение о ППР принималось несмотря на то, что обвиняемые содержались под стражей. В результате возможность реализации права на защиту путем вступления в уголовно-процессуальные отношения с органом, ведущим процесс, откладывалась в среднем на 3–4 ме-

¹ Дословно данная норма УПК Молдовы гласит, что уголовное преследование приостанавливается, если отказано в лишении лица неприкосновенности или в экстрадиции лица иностранным государством, если уголовное преследование не может быть окончено в отсутствие лица.

сяца. Вместе с тем такая практика не соответствует решению Конституционного суда Республики Беларусь от 21 октября 2005 г. № П-149/2005 «О сроках предварительного следствия и применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении». В этом решении отмечено, что мера пресечения может действовать в отношении обвиняемого до суда в пределах всего срока предварительного следствия. В него же не включается время, в течение которого расследование было приостановлено. Понимать это иначе как запрет на действие мер пресечения после приостановления расследования нельзя, в противном случае придется признать и возможность оставления их в силе и по прекращенному делу (на период ознакомления с его материалами участников процесса и обжалования принятого решения).

Возможность реализовать свои права, в том числе на предоставление доказательств, заявление о своей виновности или невиновности (п. 9 и 13 ч. 1 ст. 43 УПК), была предоставлена обвиняемым по всем уголовным делам только после возобновления расследования, спустя в среднем 12 дней (от 9 до 21 дня) после прибытия в СИЗО, обслуживающий орган уголовного преследования, и при этом спустя в среднем 5,5 дня (до 21 дня) с момента возобновления производства по делу. Более того, в большинстве случаев (77,8 %) выданным лицам предъявлялось новое (вынесенное после возобновления расследования) постановление о привлечении в качестве обвиняемого. И хотя оно фактически не отличалось от первоначального (тоже вынесенного заочно)¹, такой подход сотрудников органа расследования вызывает критику, как нарушающий право обвиняемого на защиту. Во-первых, формально обвиняемому не предоставляется возможность дать показания по первому обвинению; во-вторых, скрывается нарушение права обвиняемого в части сроков ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого.

Таким образом, можно констатировать, что на момент приостановления расследования по рассматриваемому основанию органами уголовного преследования для продолжения процесса доказывания полностью не используются механизмы международного сотрудничества в сфере расследования и разрешения уголовных дел, что указывает на невыполнение следователем задачи по полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 18 УПК).

При этом практика использования отложения производства по делу в связи с экстрадицией обвиняемого до удобного следователю момента хотя и создает комфортные условия для организации расследования, однако полностью игнорирует интересы обвиняемого. Указанные обстоятельства свидетельствуют, что действующая редакция первого из оснований, закрепленных в п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК, и практика его применения не способствуют целям реализации положений Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт), ратифицированного Беларусью 5 октября 1973 г. В частности, при принятии мер по экстрадиции обвиняемого органами расследования игнорируется ч. 2 ст. 9 Пакта, которая закрепляет, что до сведения арестованного доводятся причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение. Не соблюдаются в этот период и положения п. «а», «b», «с», «d» ч. 3 ст. 14 Пакта, содержащие требования об обеспечении возможности своевременной реализации основных составляющих права на защиту.

Потребность в соблюдении паритета сторон в уголовном процессе указывает на необходимость корректировки норм, регулирующих правоотношения, связанные с экстрадицией обвиняемого, в сторону повышения возможности реализации последним права на защиту.

В контексте норм института ППР совершенствование правового регулирования должно быть направлено на установление запрета на объявление перерыва в производстве по делу в случае реального ограничения его свободы принятой мерой пресечения. При таком подходе отпадает необходимость приостановления расследования в связи с рассмотрением иностранным государством вопроса о выдаче обвиняемого лица. Это, как представляется, будет более чем достаточным стимулом для активизации процессуальной деятельности по делу, в рамках которого обвиняемый подвергается экстрадиции.

¹ По некоторым делам из обвинения были исключены эпизоды, по которым запрашиваемой стороной принималось решение об отказе в выдаче лица.

Библиографические ссылки

1. Архив суда Речицкого района за 2008 г. Уголовное дело № 08044210166.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Норинт, 1998.
3. Данько И.В. Обеспечение законности в уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / под ред. Л.И. Кукреш. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003.
4. Данько И.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : лекция. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009.
5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Минске 22 января 1993 г. [Электронный ресурс] : текст по состоянию на 15 марта 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. [Электронный ресурс] : текст по состоянию на 15 марта 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О практике применения судами норм международных договоров Республики Беларусь в области правовой помощи по уголовным делам (по материалам обзора судебной практики) / Судебная коллегия по уголов. делам Верхов. суда Респ. Беларусь, Упр. обобщения судеб. практики Верхов. суда Респ. Беларусь // Суд. весн. 2007. № 4.
8. Попов А.М. Приостановление предварительного следствия в случае, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует // Следователь. 2003. № 12.
9. Рябчиков В.В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Владимир, 2006.
10. Сергеев К.А. Приостановление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 2002.
11. Черкасова Е.К. Правовое регулирование приостановления и возобновления предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2004.

Дата поступления в редакцию: 21.03.2011

УДК 343.28

Н.И. Ретнева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь;

Е.С. Бородулькина, аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПО ЗАБОЛЕВАНИЮ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ И БАЛТИИ

Проводится сравнительный анализ института освобождения от наказания в связи с болезнью в рамках уголовного законодательства стран СНГ и Балтии. В ходе исследования были выявлены характерные особенности правовой регламентации рассматриваемого института, связанные как с моментом возникновения заболевания, так и с характером освобождения по болезни. Обращено внимание на неоднозначный подход к уголовно-правовым последствиям для осужденного, заболевшего психическим заболеванием или иной тяжелой болезнью.

The article covers comparative analysis of impunity institution because of disease within the framework of CIS and Baltic states criminal legislation. Distinctive peculiarities were revealed in the course of study of legal regulation of the institution mentioned above relating to the moment of both the beginning of disease and jail release because of disease. Attention was payed to multiple approach to penal consequences for a prisoner suffering from mental disease or any other serious disease.

Возможность освобождения лица, совершившего преступление, от наказания по заболеванию предусмотрена уголовным законодательством многих зарубежных стран. Формы и особенности такого закрепления представляют интерес для законодательства Республики Беларусь, ибо учет такого опыта весьма полезен в свете процесса непрерывного совершенствования внутреннего законодательства и обогащения практики его применения. По меткому выражению М. Ансея, сравнение национального права с другими системами способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права [2, с. 38]

Уголовное законодательство стран СНГ и Балтии имеет много общего с уголовным законом Республики Беларусь. Этому способствовал принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ 17 февраля 1996 г. Модельный уголовный кодекс [3], положения которого явились теоретической основой при создании уголовного законодательства в Республике Беларусь и других странах СНГ и Балтии, где предусмотрена возможность освобождения лица от наказания по болезни.